

В статье рассматривается, как объекты культурного наследия (ОКН) влияют на локальные культуры и результаты комплексного развития территорий (КРТ). На основе международных документов (UNESCO, Council of Europe) и российских источников предложена типология архитектурно-пространственной интеграции ОКН в КРТ: «ядро», «якорь», «вкрапления», «рама», «интерстиции». Показано, какие эффекты и риски связаны с каждым типом, и обозначены подходы к оценке влияния наследия на развитие.

Ключевые слова: локальные культуры; комплексное развитие территорий; объекты культурного наследия; локальная идентичность; *genius loci*; урбанистическая регенерация; джентрификация. /

This article examines how cultural heritage sites (CHS) shape local cultures and affect the outcomes of integrated territorial development (ITD) projects. Drawing on international policy documents (UNESCO, the Council of Europe) and Russian sources, it proposes a typology of the spatial integration of CHS within ITD projects: core, anchor, insertions, frame, and interstices. The paper identifies the effects and risks associated with each type and outlines approaches to assessing the contribution of heritage to territorial development.

Keywords: local cultures; integrated area development; cultural heritage sites; local identity; *genius loci*; urban regeneration; gentrification.

Сохранение локальных культур в проектах развития территорий / Preserving local cultures in territorial development projects

Введение. Локальные культуры и наследие в логике КРТ

Тема локальных культур в современной архитектурной теории связывается не только с языком формы, но и с пространственными практиками жителей, режимами использования исторической среды, сценариями повседневной жизни. Понятия локальной идентичности, *genius loci*, культуры места выходят за рамки исключительно эстетического дискурса и становятся важным ресурсом социального и экономического развития городов.

В российском градостроительном контексте эта проблематика входит в компетенцию Института комплексного развития территорий, закрепленной в Градостроительном кодексе и специальном федеральном законе. КРТ рассматривается как инструмент, призванный обеспечить не фрагментарную, а целостную реконфигурацию городской ткани: параллельно с жилищным строительством закладываются параметры транспортной и инженерной инфраструктуры, общественных пространств, социальной обеспеченности и механизмы стимулирования инвестиций [1, 2].

Когда КРТ реализуется в исторически сложившихся районах, становится очевидно, что локальные культуры и наследие – не побочный, а определяющий компонент. Объекты культурного наследия и фрагменты исторической застройки формируют каркас локальной идентичности, задают уникальность места, выступают носителями памяти и символического капитала территории. Международные документы прямо связывают устойчивое развитие городов с сохранением культурного и природного наследия (цель 11.4 Повестки ООН, Лейпцигская хартия устойчивого европейского города). Рекомендация UNESCO по Historic Urban Landscape (HUL) трактует город как многослойный ландшафт, в котором историческая ткань не изолируется, а интегрируется в современные функции и инфраструктуру [3].

В российском правовом поле связь КРТ и ОКН преимущественно задается пока через режим ограничений: закрепляется недопустимость сноса объектов, необходимость согласования включения земельных участков с ОКН в границы проектов с органами охраны. Одновременно Стандарт комплексного развития территорий

фиксирует культурное наследие как ресурс идентичности и качества городской среды. В научной литературе указывается на методологический разрыв: правовые механизмы и отдельные прецеденты уже есть, но отсутствует выработанный язык описания и оценки влияния наследия на результаты развития как в экономическом, так и в социально-культурном измерении [2, 4].

Задача статьи – показать на материале современной российской и международной практики, каким образом различные типы пространственной интеграции ОКН в КРТ соотносятся с локальными культурами, и предложить типологию этих моделей как исходную рамку для дальнейшей разработки методики оценки.

Наследие как ресурс локальной идентичности и развития

Современные исследования подчеркивают двойственную природу культурного наследия: с одной стороны, оно поддерживает коллективную память и идентичность, с другой – становится фактором социально-экономического развития.

Работы О. В. Сагиновой и соавторов показывают, что в представлениях жителей крупных российских городов наследие одновременно выступает и как символ города, и как практический ресурс: источник туристического потока, предпринимательской активности, повышения привлекательности территории для проживания. Выделяются ключевые группы акторов, заинтересованных в сохранении наследия: местные жители, бизнес, органы власти, профессиональное сообщество [6].

Зарубежная литература по урбанистической регенерации во многом подтверждает эти выводы. В обобщении П. Робертс культурное наследие рассматривается как один из базовых компонентов комплексных программ urban regeneration, особенно в депривированных районах: восстановленные исторические здания и ансамбли становятся ядром новых культурных и креативных кластеров, притягивающих инвестиции и туристов. Анализ Б. Франталя на материале индустриальных браунфилдов показывает, что успешные проекты регенерации опираются на переосмысление индустриального наследия (от заводских корпусов до складских комплексов)

текст

Валерия Топорова

Уральский федеральный университет им. первого президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Мария Федорова

Уральский федеральный университет им. первого президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

text

Valeria Toporova

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

Maria Fedorova

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

и на превращение этих структур в основу новой идентичности территории [9].

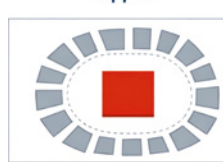
Эти интуиции зафиксированы и в нормативной международной рамке. Вашингтонская хартия Международного совета по охране памятников и достопримечательных мест (International Council on Monuments and Sites, ICOMOS) по историческим городам подчеркивает необходимость комплексного управления историческими городами и районами, где охрана наследия не существует параллельно, а вписана в общую градостроительную политику. Принципы Валлетты, принятые ICOMOS, вводят понятие многофункциональности исторических центров и подчеркивают значение духа места и участия местных сообществ. Фаро-конвенция Совета Европы вводит термин сообщества наследия – группы людей, которые придают значение определенному наследию и берут на себя ответственность за его сохранение [10].

В результате наследие перестает быть исключительно объектом охраны и становится рамкой, внутри которой артикулируются локальные культуры: через него происходит осмысление истории места, формируются практики участия, складывается чувство принадлежности. При этом остается вопрос, как именно эта рамка взаимодействует с инструментами КРТ и какие типы интеграции наследия оказываются продуктивными, а какие конфликтными.

Архитектурно-пространственная типология включения ОКН в КРТ

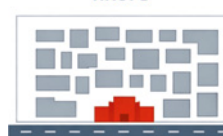
Работа с наследием в проектах КРТ охватывает весь спектр инструментов: консервацию, реставрацию, приспособление, регенерацию среды, но не снос. При этом дискуссия о выборе между сносом и реконструкцией, особенно применительно к массовой застройке советского периода, подробно рассмотрена М. Г. Мееровичем, показывающим градостроительные последствия ориентации на демонтаж вместо бережного приспособления. Чтобы выйти за пределы обобщенной формулы «учитывать наследие», важно описать, какую именно пространственную роль играет ОКН в структуре проекта. На основе анализа российской и международной практики предлагается архитектурно-пространственная типология включения объектов культурного наследия в проекты комплексного развития территорий. Можно выделить пять основных типов [2, 13].

ЯДРО

Первый тип – «ядро» (рис. 1). Памятник или исторический ансамбль располагается в композиционном центре новой застройки, вокруг него выстраивается пространственная структура квартала. ОКН задает *genius loci* проекта, формирует главный образ и адрес места, является основной точкой притяжения для жителей, туристов и бизнеса. Как правило, здесь реализуются культурные и многофункциональные программы: музеи, центры современной культуры, общественно-деловые кластеры, форматы совмещения культуры и коммерции, где историческая ткань становится основанием для новых активностей.

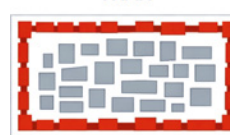
ЯКОРЬ

Второй тип – «якорь» (рис. 2). Крупный объект наследия находится на входе в территорию, у крупнейшего узла трафика или на визуально доминантной позиции. Он не обязательно совпадает с геометрическим центром, но работает как смысловой фокус. В этой модели ОКН выступает ориентиром и брендом территории, связывает новую застройку с историческим образом города, повышает узнаваемость и привлекательность района. Чаще всего

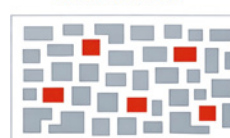
сюда выносятся знаковые функции: музей, галерея, общественное здание, а также престижные коммерческие форматы, опирающиеся на исторический образ.

РАМА

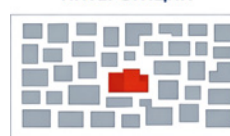
Сохраняется целостный исторический силуэт и фронты улиц, визуальный образ среды остается узнаваемым, а современная архитектура работает в глубине квартала. В этой модели используется сохранение и реставрацию фасадов с частичной или полной перепланировкой интерьеров под новые функции. Локальная культура считывает знакомые фронты, при этом внутренняя структура территории обновляется.

ВКРАПЛЕНИЯ

Четвертый тип – «вкрапления» (рис. 4). Несколько разномастных объектов наследия рассредоточены по территории проекта и сохраняют «зерно» исторической ткани. Они не образуют единого ядра, но задают сеть локальных доминант и микротопонимов, поддерживая многослойность среды. Каждое такое вкрапление работает как центр микрообщности: усадебный или доходный дом, приспособленный под жилье промышленный корпус, офисы, творческие пространства или общественные функции. Здесь особенно важны тонкие регламенты и работа с повседневными сценариями жителей.

ИНТЕРСТИЦИИ

Пятый тип – «интерстиции» (рис. 5). Отдельные ОКН оказываются островками в массиве новой застройки, не будучи включенными в целостную композиционную схему. Такие объекты могут сохранять значение для местного сообщества как артефакты памяти, но не структурируют среду и нередко воспринимаются как случайные остатки прошлой застройки. При недостаточном внимании к ним эта модель сопряжена с риском маргинализации памятников, превращения их в декоративный фон или точечные элементы на фоне агрессивного девелопмента. При грамотной работе с локальными сообществами возможен обратный сценарий – превращение интерстиционных объектов в узлы локальной идентичности и источники критического обсуждения политики развития.

Предлагаемая типология переводит абстрактный призыв учитывать наследие в язык архитектурной практики: фиксируется, каким образом ОКН работает в плане, разрезе и силуэте, какие сценарии повседневной и событийной жизни складываются вокруг него. Иллюстративные примеры того, как указанные типы интеграции проявляются в реальной городской среде, приведены на рисунках 6–12: «ядро» (рис. 6–7), «якорь» (рис. 8), «вкрапления» (рис. 9), «рама» (рис. 10), «интерстиции» (рис. 11–12).

Типы интеграции и локальные культуры: эффекты и конфликты. «Ядро» и «якорь»: наследие как драйвер локальной идентичности

В сценариях «ядра» и «якоря» объект наследия выступает центром локальной культурной динамики. Показательны крупные европейские проекты адаптивного использования индустриального наследия: конверсия заводских и инфраструктурных комплексов в культурно-общественные центры, где историческая архитектура формирует образ, а новые функции обеспечивают устойчивость эксплуатации [8, 9].

^ Рис. 6. Tate Modern, Лондон (Великобритания). Тип интеграции «ядро»

^ Рис. 7. Zollverein, Эссен (Германия). Тип интеграции «ядро»

В российской практике близкие модели реализуются, в частности, в проектах ревитализации исторических центров Татарстана по программе «Возрождение», где ансамбли Болгара и Свияжска рассматриваются как ключевые маркеры идентичности республики и одновременно включаются в стратегию ее социально-экономического развития. На уровне федеральной повестки на Петербургском экономическом форуме сформулирована цель: дать вторую жизнь значительному числу объектов, превратив их в музеи, образовательные площадки, гостиницы, встроенные в туристские и культурные маршруты.

С точки зрения локальных культур вокруг исторического ядра конструируется новый, но укорененный в наследии образ места. При последовательной управленческой политике это ведет к росту культурной активности, появлению устойчивых событийных практик (фестивали, выставки, образовательные программы), а также формированию сообществ постоянных пользователей наследия.

«Вкрапления» и «рама»: многослойность и бережное обновление

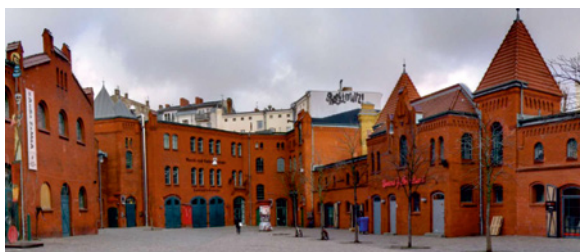
Модели «вкраплений» и «рамы» связаны с мягкими сценариями обновления, в которых КРТ не демонтирует исторический каркас, а наслаивается на него. Исследования урбанистической регенерации подчеркивают значение таких подходов для сохранения многослойной городской памяти и предотвращения эффекта музеефикации, когда фиксируется лишь один отредактированный исторический слой [8, 9].

В российских городах реализуются проекты, где часть исторической застройки сохраняется и интегрируется в новые кварталы. В Казани и Иркутске при комплексном развитии исторических центров акцент делается на обновление инфраструктуры, фасадный ремонт, расширение пешеходных пространств без тотального сноса ценных домов, что поддерживает локальный характер среды и жизнеспособность сложившихся сообществ.

С позиции локальных культур «вкрапления» и «рама» создают условия, при которых повседневные практики жителей переходят в обновленную среду без драматического разрыва: сохраняются маршруты, топонимия, привычные визуальные ориентиры. Это способствует

< Рис. 8. Drassanes Reials и Морской музей, Барселона (Испания). Тип интеграции «якорь»

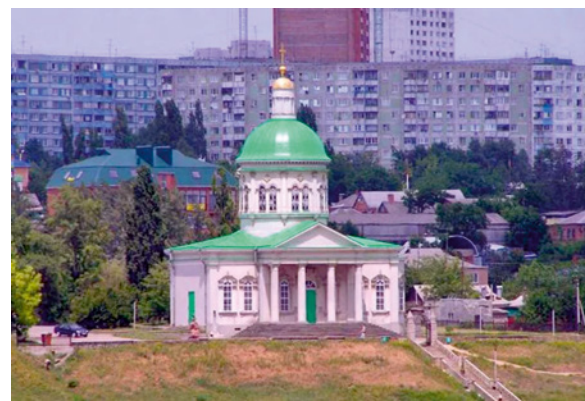
< Рис. 9. Kulturbrauerei, Берлин (Германия). Тип интеграции «вкрапления»

< Рис. 10. Gasometers, Вена (Австрия). Тип интеграции «рама»

> Рис. 11. St. Paul's Chapel, Манхэттен, Нью-Йорк (США). Тип интеграции «интерстиции»

> Рис. 12. Сурб Хач, Ростов-на-Дону (Россия). Тип интеграции «интерстиции»

устойчивости «тонких» форм локальной идентичности, которые не сводятся к туристским репрезентациям.

«Интерстиции» и риск джентрификации

Модель «интерстиции» в большинстве случаев является следствием не продуманной политики, а последовательности несогласованных решений: памятник просто сохраняется в процессе застройки. Зарубежные исследования показывают, что подобные ситуации ведут либо к маргинализации исторического фрагмента, либо к его декоративному использованию в сценариях наследие-ориентированного развития (heritage-led development), сопряженных с джентрификацией [12].

На материале Китая Ю. Чжу и П. Гонсалес демонстрируют, что редевелопмент исторических районов, игнорирующий интересы местных жителей, приводит к вытеснению сообществ и изменению ценностной структуры места: формальный статус исторической территории повышает капитализацию недвижимости, но локальная культура обедняется. Сходные риски фиксируются и в европейских примерах наследие-ориентированного развития (heritage-based development): рост туристической нагрузки и цен на жилье может разрушить социальную ткань районов [12].

Для российских городов это особенно актуально в условиях давления рынка недвижимости на исторические центры. Случаи, когда ради реализации КРТ смягчаются режимы охраны, увеличиваются плотность и этажность застройки, вызывают жесткую реакцию градозащитников и профессионального сообщества. Эта логика продолжает линию, критически описанную М. Г. Мееровичем, который показывает, как приоритет сноса и радикальных преобразований над реконструкцией ведет к утрате средовых ценностей и обеднению городской ткани. В терминах локальных культур это проявляется как разрыв между официальной риторикой возрождения и повседневным опытом жителей, сталкивающихся с вытеснением и утратой привычной среды [11, 13].

Сообщества наследия и инструменты участия

Международные документы подчеркивают, что устойчивое управление наследием невозможно без активного участия локальных сообществ. Фаро-конвенция вводит понятие heritage communities – людей, которые придают значение определенному наследию и стремятся обеспечить его передачу будущим поколениям [10].

Российские исследования показывают, что вовлечение жителей в проекты сохранения наследия затрудняется недостатком информации и мотивации, однако при выстроенной коммуникации они могут становиться полноправными участниками процессов КРТ. К. С. Семина и Н. Ю. Рунова, анализируя международный опыт, обращают внимание на роль некоммерческих организаций в системе охраны наследия и на использование опросов до и после проектов реставрации для фиксации измене-

ний в степени вовлеченности, восприятии безопасности и гордости за район [14].

На практике участие реализуется через общественные обсуждения проектов КРТ в исторической среде, попечительские советы при крупных реставрационных программах, краудфандинговые кампании, волонтерские акции, конкурсы («Волонтеры наследия» и др.). Опыт региональных программ (в частности, «Возрождение» в Татарстане) демонстрирует, что сочетание крупного государственно-частного проекта и постоянной общественной активности формирует вокруг объекта устойчивое сообщество, что напрямую влияет на дальнейшую эксплуатацию и эффективность результатов.

Если соотнести это с предложенной типологией, становится очевидно, что каждому типу интеграции ОКН соответствует своя социальная конфигурация участия:

- для «ядер» и «якорей» акцент смещен к публичным культурным событиям и туристским потокам;
- для «вкраплений» и «рам» – к повседневным сообществам жителей, живущих «внутри» исторической ткани;
- для «интерстиций» – к инициативам «снизу», направленным на защиту или новое осмысление одиночного фрагмента.

Подходы к оценке влияния наследия в КРТ

Ключевая методологическая задача – перевести культурные и социальные эффекты наследия в систему измеримых показателей. В экономическом измерении используются методы оценки добавленной стоимости недвижимости и налоговых поступлений: показано, что объекты, расположенные в исторических кварталах, после благоустройства и реставрации нередко демонстрируют более высокую динамику цен по сравнению со средними городскими трендами [6, 7].

Д. В. Завьялов с коллегами развивает подход мультикритериальной оценки, где учитываются степень сохранности и степень приспособленности ОКН, удовлетворенность жителей исторической средой, число культурных событий и пространств, связанных с наследием, а также показатели туристической активности. На основе этих параметров формируется интегральный индекс эффективности управления наследием, который сопоставляется с общими индикаторами развития территории [7].

В логике устойчивого развития показателем является подход UNESCO, рассматривающий культуру как четвертый столп наряду с экономикой, социальной сферой и экологией. Международные документы по культурной политике подчеркивают необходимость включения культурных индикаторов – от участия в культурной жизни до сохранения многообразия культурных выражений – в системы мониторинга городских стратегий [3].

В российской повестке важным шагом стало появление проектов типа «ПроНаследие», ориентированных

на создание индекса свободы инвестора для работы с наследием, фиксирующего барьеры и стимулы в разных регионах. Параллельно региональные программы (в том числе режимы поддержки и стимулирования инвестора при работе с исторической застройкой в границах проектов комплексного развития территории) демонстрируют, как финансово-организационные инструменты вовлекают частный бизнес в реставрацию ОКН [2, 5, 13].

Для анализа локальных культур принципиально, что оценка не может ограничиваться экономическими эффектами. Опираясь на исследования О. В. Сагиновой, К. С. Семиной, Д. В. Завьялова и других авторов, необходимо включать социально-культурные показатели: чувство гордости за район, степень вовлеченности сообществ, разнообразие культурных практик, устойчивость локальных сетей и идентичностей [6, 7, 14].

Предложенная типология «ядро – якорь – вкрапления – рама – интерстиции» может служить основанием для дифференцированной оценки: для каждого типа интеграции возможно выделить характерный набор культурных, социальных и экономических эффектов и соответствующие им индикаторы. Следующий шаг – формализация этих связей в методике.

Заключение

Комплексное развитие территорий в исторической среде неизбежно выводит на первый план вопросы локальных культур и наследия. Объекты культурного наследия уже не могут рассматриваться лишь как ограничение для деvelopeмента: они выступают носителями *genius loci*, источником локальной идентичности и ресурсом устойчивого развития [3, 6].

Предложенная архитектурно-пространственная типология включения ОКН в КРТ – «ядро», «якорь», «вкрапления», «рама», «интерстиции» – позволяет описать разнообразные сценарии взаимодействия наследия и развития на профессиональном языке архитектора и градостроителя. Каждый тип несет свой набор возможностей и рисков [12, 13]:

- «ядра» и «якоря» усиливают бренд места и туристическую привлекательность, но потенциально сопряжены с джентрификацией;

- «вкрапления» и «рамы» поддерживают многослойность и повседневную локальную культуру, но требуют точной настройки регламентов и проектных решений;

- «интерстиции» фиксируют фрагменты памяти, но одновременно свидетельствуют о недостатке стратегического планирования.

По сути, негативный сценарий «интерстиций» и конфликтной модели КРТ резонирует с критикой практики развития через снос, сформулированной М. Г. Мееровичем: игнорирование потенциала реконструкции и приспособления последовательно вытесняет историческую ткань даже при декларируемой повестке обновления, оставляя от нее лишь точечные фрагменты [11].

Для обсуждения локальных культур в профессиональной среде важно переходить от разрозненных кейсов к системному анализу влияния наследия в логике КРТ. Это предполагает:

- развитие оценочных методик, учитывающих культурные и социальные эффекты наряду с экономическими;
- совершенствование нормативных и финансовых инструментов, стимулирующих бережное включение ОКН;
- укрепление межсекторного партнерства: государство – бизнес – экспертное сообщество – жители;
- институционализацию сообществ наследия как постоянных участников управления.

Российский опыт 2020–2025 годов – обновление законодательства о КРТ, запуск программ льготной аренды, инициативы Агентства стратегических инициатив (АСИ), активизация ICOMOS России, региональные програм-

мы типа «Возрождение» – формирует насыщенное поле экспериментов и одновременно выявляет проблемные зоны. Их аналитическая проработка и перевод в инструментарий оценки влияния ОКН на эффективность комплексного развития территорий представляются одним из перспективных направлений дальнейших исследований.

Литература

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ (в ред. от 30.12.2020). Гл. 10. Комплексное развитие территории.
2. О внесении изменений в Градостроительный кодекс РФ в целях обеспечения комплексного развития территорий: Федер. закон от 30.12.2020 № 494-ФЗ.
3. UNESCO. Recommendation on the Historic Urban Landscape. – Paris: UNESCO, 2011.
4. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федер. закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (действ. ред.).
5. Стандарт комплексного развития территорий. Кн. 1: Свод принципов. – Москва : ДОМ.РФ, 2020.
6. Сагинова, О. В., Завьялова, Н. Б., Сагинов, Ю. Л. Потенциал культурного наследия для развития современного города // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Том 15, № 2. – С. 813–826.
7. Завьялов, Д. В., Сагинова, О. В., Завьялова, Н. Б., Тиньков, С. А. Оценка эффективности управления объектами культурного наследия // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Том 15, № 2. – С. 771–792.
8. Roberts, P., Sykes, H., Granger, R. Urban Regeneration. – London : SAGE Publications, 2017.
9. Frantál, B., Kunc, J., Klusáček, P. Exploring spatial patterns of urban brownfields regeneration: The case of Brno, Czech Republic // Cities. – 2015. – Vol. 44. – P. 28–36.
10. Council of Europe. Framework Convention on the Value of Cultural Heritage for Society (Faro Convention). – Faro, 27.X.2005.
11. Меерович, М. Сносить нельзя реконструировать // Проект Байкал. – 2017. – № 14 (53). – С. 78–84. – DOI 10.51461/projectbaikal.53.1221
12. Zhu, Y., González Martínez, P. Heritage, values and gentrification: the redevelopment of historic areas in China // International Journal of Heritage Studies. – 2022. – Vol. 28, No. 4. – P. 476–494. – URL: <https://doi.org/10.1080/13527258.2021.2010791> (дата обращения: 17.04.2026).
13. Твардовская, Е. В., Верховский, Д. В. Проекты КРТ в исторической среде: риски и потенциал // Хранители наследия. – 2025. – 31 марта.
14. Семина, К. С., Рунова, Н. Ю., Сагинова, О. В. Роль некоммерческих организаций в системе сохранения культурного наследия: сравнительный анализ международной практики // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 3. – С. 843–858.

References

- Council of Europe. (2005, October 27). *Framework Convention on the Value of Cultural Heritage for Society (Faro Convention)*. Faro.
- DOM.RF. (2020). *Standart kompleksnogo razvitiya territorii. Kniga 1: Svod printsipov [Integrated territorial development standard. Book 1: Principles]*. DOM.RF.
- Frantál, B., Kunc, J., & Klusáček, P. (2015). Exploring spatial patterns of urban brownfields regeneration: The case of Brno, Czech Republic. *Cities*, 44, 28–36. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2014.12.007>
- Meerovich, M. (2017). Demolition impossible to restore. *Project Baikal*, 14(53), 78–84. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.53.1221>
- Roberts, P., Sykes, H., & Granger, R. (2017). *Urban regeneration* (2nd ed.). London: SAGE Publications.
- Russian Federation. (2002, June 25). *Federal Law No. 73-FZ "On Cultural Heritage Sites (Monuments of History and Culture) of the Peoples of the Russian Federation"*.
- Russian Federation. (2004, December 29). *Town-Planning Code of the Russian Federation (Federal Law No. 190-FZ), Chapter 10 "Integrated territorial development"* (as amended December 30, 2020).
- Russian Federation. (2020, December 30). *Federal Law No. 494-FZ "On Amendments to the Town-Planning Code of the Russian Federation to Ensure Integrated Territorial Development"*.
- Sagino, O. V., Zavyalova, N. B., & Saginov, Yu. L. (2025). The potential Cultural heritage for modern city development. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 15(2), 813–826. <https://doi.org/10.18334/epp.15.2.122633>
- Semina, K. S., Runova, N. Yu., & Sagino, O. V. (2024). The role of non-profit organisations in cultural heritage preservation: A comparative analysis of international practice. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 14(3), 843–858. <https://doi.org/10.18334/epp.14.3.120600>
- Tvardovskaya, E. V., & Verkhovsky, D. V. (2025, March 31). Proekty KRT v istoricheskoi srede: riski i potentsial [Integrated territorial development projects in historic environments: Risks and potential]. In *Khraniteli naslediya*.
- UNESCO. (2011). *Recommendation on the Historic Urban Landscape*. Paris: UNESCO.
- Zavyalov, D. V., Sagino, O. V., Zavyalova, N. B., & Tinkov, S. A. (2025). Assessing the effectiveness of cultural heritage management. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 15(2), 771–792. <https://doi.org/10.18334/epp.15.2.122636>
- Zhu, Y., & González Martínez, P. (2022). Heritage, values and gentrification: The redevelopment of historic areas in China. *International Journal of Heritage Studies*, 28(4), 476–494. <https://doi.org/10.1080/13527258.2021.2010791>